

Ся Хэчжи, услышав это, явно замер, его движения при одевании остановились, рубашка в его руках слегка смялась.

Он стоял спиной к зеркалу, и в отражении была видна его красивая спина с четкими мышцами, а на пояснице, чуть ниже талии, где рубашка соприкасалась с брюками, едва прикрывалась татуировка.

Это было простое, но резкое изображение Кольца Звезд, с двумя звездами на концах, соединенными цепочкой цифр — 1999.2.15.

Другая половина кольца была скрыта под брюками, и ее нельзя было разглядеть.

В центре кольца были две буквы — dear baby.

Белая рубашка, которую Ся Хэчжи сжимал в руках, наконец освободилась и упала, закрыв поясницу и татуировку на копчике.

Се Нинчэнь удалил свою татуировку.

Ся Хэчжи опустил голову, сердце сжалось от боли.

Они сделали эти татуировки вместе через два с половиной года отношений.

Тогда прошло два месяца с момента смерти бабушки Се.

Они оба сделали Кольца Звезд, которые на первый взгляд выглядели одинаково — две звезды и две цепочки цифр, которые были их днями рождения — 1999.2.15 и 2000.3.5.

Разница была только в буквах в центре: у него было dear baby, а у Се Нинчэня — family.

Family.

Ся Хэчжи стоял, потерянный в мыслях, вспоминая Се Нинчэня в те дни после смерти бабушки, и сердце снова сжалось.

Что же я наделал?

Он стоял, погруженный в свои мысли, пока Ло Шэнхэ не окликнул его, и он резко очнулся.

Когда все оделись, они начали выходить.

Се Нинчэнь вышел последним, и когда он появился, глаза Ло Шэнхэ, Ван Цзюэ и Дуань И загорелись, только Ся Хэчжи посмотрел на него и опустил глаза, словно боясь смотреть.

Дуань И подошел к Се Нинчэню с лукавой улыбкой:

— Я хочу сказать что-то, но боюсь, что ты меня ударишь.

Се Нинчэнь, после разговора о татуировках, не мог контролировать свои мысли и чувства, настроение было подавленным, но, услышав слова Дуань И, все же улыбнулся, хотя и не слишком искренне.

Но он редко смеялся широко, поэтому Дуань И не заметил его подавленности и с хитрой улыбкой произнес:

— Ты выглядишь так сексуально в этом костюме.

Се Нинчэнь, далекий от интернет-сленга, смутился от слова «сексуально» и спросил:

— Разве это слово не для девушек?

Дуань И покачал головой:

— Старичок, какая разница, мальчик или девочка, это слово идеально подходит к тебе, вернее, к тому, как ты выглядишь в этом наряде.

Се Нинчэнь, глядя на оживленное лицо Дуань И, почувствовал, как его настроение немного поднялось:

— Ладно, пусть будет сексуально.

[Хахахаха, что за «пусть будет сексуально»]

[Дорогой, ты вообще понимаешь значение этого слова? Хахахаха]

[Моя такая красивая и сексуальная жена, а на самом деле оказывается старичком]

[Красотка!!! Сексуалка!!! Обнимашки!!!]

[Жена такая сексуальная, я слюной захлебнусь]

[Это просто невероятно, я кричу]

[Брат Чэнь, пожалуйста, больше не носи футболки за 50 юаней!!!]

[Эти ноги, эта талия, черт, я сейчас истеку кровью]

Этот костюм на каждом выглядел по-своему, подчеркивая индивидуальные черты. Например, на Ло Шэнхэ он усиливал его строгий и элегантный стиль, делая его еще более сдержанным.

На Ся Хэчжи костюм идеально подчеркивал его идеальное телосложение, усиливая его притягательность, которая манила, как огонь. Даже сейчас, когда он был погружен в свои мысли, его небрежная аристократичность и чувство превосходства оставались неизменными.

Это была та притягательность, которую люди, стремящиеся к силе, не могли игнорировать.

Однако этот костюм, который на всех лишь усиливал их индивидуальность, на Се Нинчэне выглядел совершенно иначе.

Се Нинчэнь был красив и холоден, но обычно слово «сексуальный» к нему никак не подходило.

Однако в этом костюме его длинные ноги и узкая талия были подчеркнуты, его белоснежная кожа была скрыта под слоями одежды, но это лишь делало его еще более притягательным. Даже его холодность казалась теперь холодной красотой.

Се Нинчэнь не придавал этому значения, выходя из раздевалки, он чувствовал, что костюм немного тесноват и жарко, хотел поскорее закончить и снять его.

Под руководством сотрудников они отправились в манеж. В манеже уже были лошади и

тренеры, каждая лошадь была с тренером, который помогал и держал поводья.

Се Нинчэнь, встав в стремя, поднялся в седло и под присмотром тренера немного проехался по манежу. Почувствовав себя увереннее, он попробовал увеличить скорость.

Ся Хэчжи все время следовал за ним на небольшом расстоянии. Увидев, что Се Нинчэнь ускорился, он нахмурился, но все же подтянулся к нему.

— Брат Чэнь, помедленнее, — с беспокойством сказал Ся Хэчжи.

Се Нинчэнь раздраженно ответил:

— Ты можешь отстать?

Ся Хэчжи сжал губы и глухо произнес:

— Боюсь, ты упадешь.

Се Нинчэнь:

— Если упаду, это мои проблемы, не беспокойся.

С этими словами он еще больше увеличил скорость.

Ся Хэчжи, с его красивыми глазами, потемневшими от эмоций, но быстро вернувшимися в нормальное состояние, лукаво сказал:

— Брат Чэнь, правда, помедленнее. Я в детстве, когда учился ездить, упал и две недели лечился, было больно.

Се Нинчэнь:

— ...

Се Нинчэнь с сарказмом произнес:

— Тебе бы писать рассказы.

Ся Хэчжи:

— ...

Ся Хэчжи надул губы, словно вспомнив что-то, и тихо пробормотал:

— Правда, шрам на внутренней стороне бедра остался с тех пор.

Се Нинчэнь изменился в лице, посмотрел на Ся Хэчжи и с холодной улыбкой сказал:

— Да? Я не помню.

Ся Хэчжи, услышав это, на мгновение потемнел, но быстро пришел в себя.

Се Нинчэнь не хотел быть рядом с Ся Хэчжи, поэтому еще больше увеличил скорость, но Ся Хэчжи тоже ускорился. Видя, что скорость становится все больше, Ся Хэчжи нахмурился и, наконец, протянул руку, чтобы схватить поводья Се Нинчэня.

Се Нинчэнь пришел в ярость. Ся Хэчжи, глядя на него своими черными глазами, чувствовал себя плохо внутри, но внешне этого не показал. Он лишь с лукавой улыбкой, немного покорно и с ноткой уступчивости, произнес:

— Брат Чэнь, правда, легко упасть. Я не буду за тобой следовать, ездай медленно.

С этими словами он отпустил поводья и с покорным видом посмотрел на Се Нинчэня, показывая, что больше не будет следовать за ним.

Се Нинчэнь, глядя на его выражение, опустил глаза, а затем уехал галопом.

Прошло два года, он думал, что уже полностью безразличен к Ся Хэчжи, но когда тот снова и снова показывал свои покорные или ласковые выражения, дыра в его сердце, казалось, снова открылась, и ветер, который он не мог контролировать, пронесся по каждому уголку его тела.

Он был раздражен и даже не заметил, как его лошадь начала беспокоиться.

Когда он бездумно ехал, Ся Хэчжи все еще следовал за ним на расстоянии, а за ними ехал Ван Цзюэ.

Ван Цзюэ, почувствовав, что освоился с лошадью, посмотрел на Ся Хэчжи и Се Нинчэня впереди, сомневался, но все же ускорился.

Он проехал мимо Ся Хэчжи, и, когда они поравнялись, глаза Ся Хэчжи потемнели, а когда он остановился рядом с Се Нинчэнем, в его взгляде промелькнула холодность.

Ван Цзюэ, только что подъехав к Се Нинчэню, хотел заговорить, но лошадь Се Нинчэня, и без того беспокойная, от резкого движения Ван Цзюэ еще больше разозлилась и встала на дыбы.

Се Нинчэнь, погруженный в свои мысли, потерял равновесие и начал падать назад.

Он даже не успел схватиться за поводья.

— Брат Чэнь! — сердце Ся Хэчжи заколотилось, он крикнул. — Держись за поводья, наклонись!

Он уже мчался вперед. Ван Цзюэ, никогда раньше не обучавшийся верховой езде, растерялся, не зная, что делать.

В панике лошадь Се Нинчэня понеслась вперед.

И тут мимо него промчалась черная лошадь.

Это был Ся Хэчжи.

Первой реакцией Се Нинчэня было сделать то, что сказал Ся Хэчжи: схватиться за поводья и наклониться, но удержаться на лошади было уже чудом, не говоря уже о том, чтобы остановить ее.